

Знаешь, друг, ведь в то страшное время судьбы тяжки,
кричи – не кричи,
Когда немцы, от шнапса пьянея, русских женщин терзали
в ночи.

Велика сила Русского Духа! И богата им женщина-мать.
Хоть повсюду война и разруха, но сейчас ей нельзя
умирать!
Сколько пройдено ею далее, сколько ей пережито в пути.
Больше года сыночка искала... И сумеет, сумеет найти!

На ночлег приютила селянка. Уже близко совсем Ленинград.
– Вот, Ульяна, вина тебе склянка. Да, признаюсь, плохие дела!
Уже лето второе настало, как нас топят в несчастной крови.
Но детей за просторы Урала до апреля еще увезли.

Ты не думай, не лгу, не пугаю. Не смотри, что больна и пьяна.
Ты найдешь его – точно я знаю. Ты же мама, а мама – одна.
И в безумии горького взгляда что-то страшное всплыло, грозя.
– А ты знаешь, ты знаешь, Ульяна, я ведь тоже дитя родила.

Клятый немец всю ночь меня мучил. Я ему поклялась
отомстить.
Трижды проклята буду я лучше, чем дитя его буду растить!
Задушила исчадие ада! Не получит он душу мою!
Спит мой сын, без вины виноватый. Я его закопала в саду.

Если б знал мой несчастный Алеша, что с женой
сотворили его!
Жив ли он? И простить меня сможет? Я ведь только его
одного...
Долго плакали, в горьком угаре еще крепче, казалось, болит.
Изможденной, несчастной Ульяне снова путь непростой
предстоит.